

Б Е Р А
Калачкава

*Это моя
правда*

Вера Александровна Колочкова

Это моя правда

Серия «Секреты женского счастья»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64447062
Это моя правда. [роман]: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-120886-8

Аннотация

Наташа считала, что поймала удачу за хвост. Работая медсестрой в поселковой больнице, она встретила будущего мужа Дениса, который попал в аварию. Наташа стала для него опорой, и они нашли любовь друг в друге. Наташа верила, что их брак ничто не разрушит, пока у её мамы не случился инсульт... Наташе и Денису придётся испытать отношения на прочность.

Таня вышла замуж по большой любви и год наслаждалась семейной жизнью, но у неё обнаружили рак гортани. Муж Тани сбежал и женился на здоровой девушке. Тане суждено испытать себя, пережив предательство любимого человека и тяжёлую болезнь, медленно съедающую её изнутри.

Оля счастливо жила в браке целых пять лет и родила двоих детей. Их идиллию разрушил случай: мужа посадили на десять лет в тюрьму за преднамеренное убийство! Муж спас её от хулиганов, но поплатился своей свободой. Оля осталась одна с дочерью и

сыном. Ради любви она должна справиться со всеми ударами судьбы.

Три разные девушки, три разные судьбы, три разные правды. Им предстоит узнать, способна ли дружба вынести все невзгоды и привести их к настоящему счастью.

Вера Колочкова

Это моя правда

© Dean Drobot, progressman, oksana2010 /
Shutterstock.com Используется по лицензии от
Shutterstock.com

© Колочкова В., текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

В Е Р А
Калачкава

Это моя
правда

*Я правду собираю по частицам,
Как каменщик, что строит этажи.
Ищу ее, крупицу за крупицей,
В чужих завалах хитрости и лжи.*

*Но как же остро хочется порою,
Устав от лжи бесчувственно-пустой,
Побывать хоть час с открытой душой,
Где, словно луч с хрустальной водою,
Сверкает правда рыбкой золотой!*

(Эдуард Асадов. «Я правду собираю по частицам...»)

Утро получилось довольно суетливым, как обычно. А если прибавить к этой суетливости плохое настроение Дениса, то можно сказать, оно совсем не задалось. Хотя чему тут удивляться? Привыкнуть пора...

Это поначалу ей странным казалось: как можно проснуться с плохим настроением в таком доме? В такой спальне, где все красиво и уютно устроено? Как можно не выспаться в такой шикарной кровати, наконец? Да если даже не выспаться по каким-то причинам... Ведь стоит после пробуждения выйти на балкон и послушать, как птицы поют, вобрать в себя вкусный свежайший воздух и аромат влажной газонной травы, зажмуриться от солнца, поднимающегося над охристыми сосновыми стволами, и никакой сонливости уже в помине нет! Такая благодать кругом, господи! И так жить хочется, во всю силу жить! Ну как, как Денис всего этого не чувствует, не ощущает, не замечает?

Наверное, он просто привык. С детства. С рождения. Другой жизнью не жил, ему сравнивать не с чем. А ей-то как раз есть...

– Тебе кофе с молоком или со сливками? – спросила заботливо, стараясь не замечать его недовольного лица.

– Да не надо ничего... Ты же прекрасно знаешь, что я по утрам только черный кофе пью!

Наташа только улыбнулась, ничего не ответила. А могла бы ответить, чего уж там! Мол, что это еще за новости относительно черного кофе по утрам? Всегда со сливками пил или с молоком, а сегодня другой вариант на ходу придумал! Еще и глянул с таким возмущением, будто она забыла! Так и нарываяется на ее ответное возмущение, да и самой хочется ответить что-нибудь этакое! Мол, я виновата разве, что ты опять не с той ноги встал?

Хотела было сказать, да передумала. Не ссориться же с утра из-за такого пустяка. Тем более она прекрасно понимает, почему у мужа настроения нет. И он понимает, что она понимает. И потому произносит почти жалобно:

– Сегодня опять отец будет зверствовать, я знаю... Так не хочется на работу ехать, если б ты только знала! Делает со мной, что хочет! Мнет в руках, будто я пластилиновый... Даже не спрашивает, хочу я у него работать или нет! А может, я свое дело открыть хочу? Взял бы и дал мне первоначальный капитал, я бы открыл! Но ведь не даст же, я знаю! Ему больше мной командовать нравится, как мальчишкой!

– Но ведь ты его единственный сын, Денис... Его тоже можно понять... Он хочет тебе свое дело передать, больше ведь некому...

– А я? Я этого хочу или нет, а? Почему у меня спросить не удосужится, нужно ли мне его дело? – тут же взъерился Денис, отталкивая от себя тарелку с яичницей. – Я что для него, предмет неодушевленный?

– Ну почему же сразу предмет, да еще неодушевленный... Очень даже одушевленный, ты ж его родной сын! Просто у него характер такой... Твердокаменный. Он никогда своих чувств не демонстрирует. А на самом деле отец очень любит тебя, ты и сам это знаешь!

– Ага, любит. Потому и гоняет в хвост и в гриву... Знаешь, как мне надоело? Да он никого так не гоняет, как меня!

– Он просто хочет, чтобы ты поскорее всему научился, Денис. Чтобы его опорой стал, верным помощником. Ты ведь согласился работать у него на фирме, по другому пути не пошел...

– Интересно, а кто бы мне дал пойти по другому пути, а? Ты хоть сама-то понимаешь, что говоришь? У меня что, был выбор, по-твоему? Я ж тебе объясняю: никогда он мне не позволит своей дорогой идти... Я уже пытался, просил у него денег на свое дело... А он мне в ответ – нецелесообразно, мол! Если есть семейный бизнес, надо им и заниматься! Ну как с ним спорить, а? Он же считает, что всегда и во всем прав...

И опять она не стала ему отвечать, только пожалала плечами неопределенно. Да и что тут ответить можно? Мол, выбор всегда есть? Хочешь – иди в семейный бизнес, хочешь – не ходи? Своим путем иди? Если он у тебя есть, конечно, этот свой путь... Ведь нет его, если честно. Денис это сам прекрасно понимал. Да и характер у него слишком мягкий, чтобы продирааться самому через тернии к звездам. И покушений даже никаких не предпринимал, чтобы встать на свой путь... Отец сказал – будешь у меня на фирме работать, вот он и работает.

– Он же... Он же все время мной недоволен, представляешь? – продолжил сердито Денис. – Еще и унижить при всех норовит... Посмотрите, говорит, на кого я дело свое оставлю когда-нибудь, гляньте на моего наследничка! Другой бы на его месте землю копытом рыл, за все подряд хватался, во все тонкости свой нос совал! А этот... Посмотрите на него, это же яркий пример того, как на детях природа отдыхает! Знаешь, как мне обидно все это терпеть?

– А ты не терпи... Ты просто работай хорошо, старайся...

– Да что ты в этом понимаешь! Старайся, главное! Я что, не стараюсь, что ли? Как могу, так и стараюсь... А ему все мало, все время у меня какие-то косяки выискивает! Еще и себя в пример приводит... Мол, я в твои годы то, я в твои годы се... Я с нуля в девяностые начинал, мы с твоей матерью на одних макаронах сидели, пока чего-то добились... Я виноват, что сейчас не девяностые, да? Виноват, что они на

макаронах сидели?

– А вот сейчас ты совсем, совсем не прав, Денис... Хотя бы элементарное чувство благодарности надо включить, не находишь? У тебя очень хорошие родители, они очень любят тебя, они готовы все для тебя сделать! И отец твой, и мама... Или ты хочешь мажором-бездельником быть, что ли?

– Да кто ж мне это позволит, с ума сошла?

– Ну так я об этом и говорю! Я считаю, что у тебя просто замечательные родители, Денис, тебе с ними очень повезло! А мама у тебя какая, а? Она ж у тебя такая умница, такая красавица! Да такую маму на руках надо носить, между прочим!

Денис замолчал, глянул на нее чуть насмешливо. Даже отодвинулся слегка от стола, будто хотел рассмотреть получше. Потом спросил тихо, почти вкрадчиво:

– Вот не пойму я тебя, Наташка... Вроде мы два года уже вместе живем, а я тебя до конца так и не могу понять... Ты у меня святая, что ль? Или просто придуливаешься?

Наташа подняла брови, глянула с недоумением. Потом переспросила весело:

– Святая, говоришь? Это что, комплимент такой или выражение недовольства? Что-то новенькое для меня, однако...

– Да ничего новенького! Ты же прекрасно понимаешь, о чем я! Вот ты говоришь – хорошие у меня родители, заступаешься за них... Мол, мать мою на руках носить надо... Ты

это вполне серьезно говоришь, да? Не придуриваешься?

– Нет... Отчего же я буду придуриваться?

– Да оттого! Мать тебя гнобит, как может, от всей души! Вечно пытается тебя носом в лужу сунуть, как маленького котенка... А ты в ответ всегда улыбаешься только! Всегда всем довольна, слова поперек не скажешь! Одно слово – святая! Будто не замечаешь ничего...

– Отчего же не замечаю? Замечаю. Просто я твою маму прекрасно понимаю, вот и все объяснение моей покладистости. Она же явно другую невестку себе хотела, а я... Я тебе не ровня. Я из другого социального слоя... Вот она и не может смириться, хотя ведет себя вполне даже прилично, на мой взгляд, старается свою досаду так уж явно не демонстрировать. Да ты и сам все прекрасно знаешь, что я тебе объясняю!

– Ну, мне лучше знать, кто мне ровня, а кто не ровня! Уж тут-то я могу сам решать, уж в эту область родители сунуться бы не посмели... Какую жену выбрал, ту и примите! Можете ее не любить, конечно, но принять и уважать обязаны! Потому что это мой выбор!

– Ну вот! А ты говоришь, они с тобой не считаются! Еще как считаются! И вовсе твоя мама меня не гнобит, зря ты так... Мы с ней прекрасно нашли общий язык, я считаю...

– Ладно, понял я тебя, святая защитница! Ишь, заболтала меня, на работу могу опоздать...

– Я заболтала?!

– Ты! Кто же еще? Других святых заступниц у меня нет...

Все, я пошел! Спасибо за завтрак! До вечера, Наташка!

– Да, до вечера... Я тебя провожу до машины... – подско-
чила она из-за стола вслед за ним.

Потом долго еще стояла у раскрытых ворот, глядела вслед отъезжающей машине. Махала рукой. Улыбалась ободряюще. Давай, мол, все будет хорошо у тебя сегодня...

Вернувшись в дом, встала у окна в гостиной, прогнулась в спине, закинула руки за голову – хорошо как, господи... Вид из окна такой, что с ума можно сойти!

Да и не окно это было, а почти стена такая стеклянная. Стоишь, словно в воздухе зависаешь над всей этой красотой. Смешно, но чувствуешь себя как та романтическая героиня Островского, монологом которой мучили еще в школе. Как там она говорила... Отчего, мол, люди не летают, как птицы? Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела...

Хотя, надо отдать должное, стеклянная стена тут ни при чем. Это натура у нее такая – слишком уж романтическая. Как мама всегда говаривала – откуда что взялось, при нашей-то несчастной жизни?

Действительно, откуда что взялось? Какая романтика, если не в небе летать приходилось, а на огороде все время вкалывать, чтобы зимой с голоду не умереть? Мама болела все время, на инвалидности была. А пенсия на инвалидности – это ж не пенсия, а слезы жалкие! Вот и приходилось огоро-
дом кормиться, иначе не проживешь. И дрова на зиму самой заготавливать, и сено косить для коровы. Никто уже в посел-

ке корову не держал, а они свою Милку обхаживали как родную! От нее ж и молоко, и сметана, и масла сколько-нисколько получалось. Если в магазин за всеми этими удовольствиями ходить, это ж кучу денег надо потратить, а где их взять-то прикажете? Вот и получается: или голодная сиди, или на Милку молись, чтоб от какой болезни не сдохла. Мама даже шутила довольно грустно по этому поводу – интересно, мол, кто из нас быстрее на тот свет отправится, я или Милка? Лучше бы я, конечно... Чтоб тебе, Наташка, до взрослой самостоятельности дожить на масле да на сметане, а потом уж и зарабатывать начнешь... Она сердилась на маму, конечно, хотя и потихоньку. Громко сердиться боялась, чтобы маму не волновать лишний раз, потому что от волнения давление может подняться, а там и до сердечного приступа недалеко. И вообще старалась все делать сама, хваталась за любую работу, которой конца и краю не было. Зимой надо было печку топить и снег со двора большой лопатой сгребать, летом воду на огород таскать из колодца...

Вот и рассудите: какая ж тут, к лешему, романтика? Некогда было на горку забраться да восклицать с пафосом – отчего люди не летают, как птицы?

После восьмого класса они с мамой рассудили, что нет ей резону дальше в школе учиться, пора профессию получать. Мама хотела, чтобы она в строительный техникум пошла, потому как профессия эта хлебная и довольно востребованная, и даже у них в поселке можно в строительно-ремонтной

конторе устроиться. Но она рассудила по-своему – решила в медучилище пойти. Может, не так хлебно получится, зато в жизни больше пригодится. Потому что за мамой ведь тоже медицинский пригляд нужен... Мало ли как со здоровьем дальше будет? Вдруг совсем плохо? А тут своя медсестра под боком, можно сказать...

Решено – сделано. Поехала в город, поступила в медучилище, закончила его с отличием. По ходу дела новых подруг обрела, Таню и Олю. Они с Таней были приезжими, в общежитии в одной комнате жили, а Оля городской была. Вот у нее дома тусовались все время и сроднились, и мама Олина их полюбила. Правда, пути их потом разошлись... Оля с Таней дальше учиться пошли, в медицинский институт после училища поступили, а она вернулась в родное Бережное, к маме. Устроилась медсестрой в поселковую больничку. Зарплата, правда, маленькая была, но уже хоть что-то... Да плюс мамина пенсия, да плюс огород – жить можно! Правда, корова Милка к тому времени сдохла от старости, но зато теперь можно было за деньги молоко да масло купить, какие проблемы! В общем, жизнь худо-бедно наладилась...

Заправлял больничкой неизменный доктор Петров, добрейшей души человек. Говорят, в молодости ужасным бабником был, детей по всем сторонам света наплодил целую кучу, а потом успокоился, поутих... Как говорила старшая медсестра Ирина Владимировна, поутих естественным образом, согласно подступившему возрасту. Поначалу доктор

Петров в Бережном дачу держал, а потом и совсем туда переехал, стал в местной больничке царем и богом – очень уж больные его уважали. Да и весь медперсонал тоже...

Дениса привезли на «Скорой» аккурат в ее дежурство – большая авария случилась на трассе, много тогда народу к ним привезли. Так вот... Этот доктор Петров Дениса, можно сказать, по кусочкам собрал, с того света вытащил. До города его бы точно довести не успели: большая кровопотеря была. А она доктору ассистировала и тоже старалась изо всех сил. И даже молилась шепотом – так боялась, что парень умрет...

Потом, когда дежурство закончилось, домой не ушла, все сидела возле кровати Дениса. И опять молилась, и по руке его гладила, и на капельницу строго поглядывала: все ли в порядке... А Денис вдруг глаза открыл, улыбнулся! И спросил тихо так, осторожненько:

– Ты кто? Ты ангел, что ли?

– Нет, что вы... Я не ангел, я медсестра...

– Жаль. А я думал, ангел... Такая красивая, и над головой у тебя вроде как нимб светится...

– Да это не нимб! Это солнце за окном садится, наверное! А я аккурат напротив окна сижу...

– Жалко. Так хотел с ангелом познакомиться! А может, ты все же ангел, а?

– Вы... Сейчас не говорите ничего, пожалуйста. Вам нельзя разговаривать. Так доктор сказал.

– Ладно, не буду. Но скажи хоть, как тебя зовут, ангел?

– Наташей меня зовут...

– Наташа... Хорошее имя. А я Денис... Ты не уходи, ладно, Наташа? Кажется, я опять сейчас провалюсь...

– Да, я не уйду! Я останусь! Я рядом буду! Вы спите, Денис... Вам сейчас спать надо... Это хорошо, что вы в себя пришли, но лучше сейчас поспать...

Так они и познакомились. Денис никого к себе не подпускал, только ее. Капризный оказался пациент. Другие медсестры сердились: вот еще какой выискался, надо же! Пора перевязку делать, а он верещит: «Нет, не надо, не хочу, позовите ко мне Наташу!» Только ее руки признавал, сразу успокаивался. Когда она присаживалась рядом, смотрел ей в глаза, улыбался. Даже когда родители за ним приехали, чтобы в городскую больницу забрать, истерику им устроил: «Не поеду, и все! Здесь останусь!» Павел Иванович, отец Дениса, тогда здорово на него рассердился – что за капризы, мол? А мама, Юлия Сергеевна, только плакала, прижав кулаки ко рту, и причитала тихо: «Не пойму, что с сыном творится... Мы ж его лучшим врачам хотим показать...» Доктор Петров тогда ее успокоил: «Не переживайте, вашего сына и здесь прекрасно выводят, поставят на ноги. Тем более он сам так хочет... Интерес у него тут появился, чтобы остаться». Юлия Сергеевна повернулась к нему живенько, спросила испуганно:

– Что еще за интерес такой? Говорите!

– А этот интерес Наташей зовется. Медсестричка это наша, очень, между прочим, симпатичная. Мне кажется, у них тут чувство намечается, уж извините.

– Как еще чувство, о чем вы? – испуганно махнула рукой Юлия Сергеевна.

– Какое, какое... Большое и светлое, во какое! Да вы не переживайте, эта медсестричка просто клад, а не девушка! Красавица, добрейшей души человек! И умница, и скромница, и рукодельница каких поискать! Так перевязки вашему сыну делает – хоть в медицинских учебниках эту красоту показывай, ей-богу!

– А вы полагаете, в частной больнице, куда мы хотим перевезти сына, ему хуже сделают перевязку?

– Может, и не хуже. Да только не в качестве перевязки тут дело, уважаемая. Как говаривала моя покойная мамаша: «В хорошем пироге та же мучка, да не те ручки...»

– Ой, не понимаю я ваших аллегорий, знаете ли! Лучше вы сами скажите моему сыну, что он должен ехать, очень вас прошу!

– Да не волнуйтесь вы так, мамаша... Я ж объясняю – интерес тут у вашего сына появился, и его от этого интереса уже трудно оторвать, понимаете? А когда интерес есть, уже лечение быстрее пойдет. Это уж я вам по своему опыту говорю, поверьте. Поставим мы его на ноги, не переживайте! Еще лучше прежнего будет!

Однако доводы Петрова мало успокоили Юлию Сергеев-

ну. Снова подступила с уговорами к сыну, да бесполезно: Денис уперся и ни в какую! Пришлось родителям уехать ни с чем...

Потом она все же спросила Дениса, не удержалась:

– Ты почему с родителями не уехал? Они ж хотели тебя забрать...

– А сама не догадываешься, почему?

– Нет...

– Да ладно, все ты знаешь, все понимаешь! Из-за тебя я остался, чего тут гадать... Мне так хорошо с тобой рядом, Наташ! Никогда и ни с кем так хорошо не было. Я даже объяснить этого не могу... Вот ты уходишь, а я только тем и занимаюсь, что жду, когда ты снова ко мне подойдешь. Да я даже думать боюсь о том, что будет, если... Если меня скоро выпишут... Наверное, это и есть любовь, которая настоящая, а? Как думаешь?

– Ой... Я не знаю...

– Смотри-ка, ты и смущаться умеешь... Да чего там, я и сам научился рядом с тобой смущаться как идиот... А я тебе нравлюсь, Наташ? Скажи?

– Да... Да, конечно.

– Тогда... Выходи за меня замуж, а? Мне не хочется с тобой расставаться. Мне хочется, чтобы ты всегда рядом со мной была.

Она так растерялась, что не смогла ничего сразу ответить. Как-то это было уж слишком – сразу замуж! Сидела, улыба-

лась как дурочка, смотрела на Дениса во все глаза. Показалось, он даже обиделся немного, переспросил настойчиво:

– Так выйдешь? Чего ты молчишь?

– Я... Я не знаю... Как-то это все неожиданно слишком...

– Почему неожиданно? Вполне себе нормально, по-моему. Я понял, что люблю тебя – чего еще? Или я тебе совсем не нравлюсь?

– Ты? Да ты что... Как ты можешь не нравиться? Нет, что ты...

Видимо, Денис услышал в ее голосе что-то для себя очень приятное, улыбнулся довольно. Получалось, что он этой улыбкой с ней согласился – ну да, конечно же... Как он может не нравиться? Такой красавец, такой умница, такой... Даже слов не найти какой!

– Значит, ты согласна? – настойчиво переспросил Денис.

– Да... Да, я согласна. Но все равно как-то уж очень быстро все происходит... Я даже толком не понимаю, как это... Какой замуж...

– Обыкновенный замуж, вот какой! – рассмеялся Денис, наблюдая за ее смятением. – Я скоро встану с кровати, возьму тебя в охапку и увезу к себе. Больше никуда не отпущу! Будешь всегда со мной рядом...

– Ой... А я же не могу никуда отсюда уехать, что ты! У меня мама... Как она без меня одна будет?

– Да нормально, как... Все когда-то уходят от родителей, и ты уйдешь. Я думаю, твоя мама тоже хочет, чтобы ты жила

отдельно от нее. Все родители этого хотят, поверь мне... Если они умные, конечно. Мои родители, например, меня еще год назад отселили, чтобы я самостоятельно жил.

– Куда отселили? Выгнали, что ли?

– Ну почему сразу выгнали... Они мне дом купили. Хороший дом, большой... Как оплот моей будущей семьи. Вот мы с тобой и будем этой самой семьей! Сразу будем отдельно от родителей жить! Здорово же, правда?

– Да, здорово... Но как же мама моя... Как я ее оставлю?

– Ну вот, заладила, как да как! Поговори с ней сегодня, сама увидишь, как она обрадуется! Каждая мать хочет удачно свою дочку замуж выдать, поверь мне!

– Да, я поговорю... Сегодня же вечером поговорю...

Наверное, надо было ему сказать всю правду. Что мама болеет, что ей трудно будет одной. Ругала себя, конечно, что не сказала. Испугалась, что если скажет, то Денис передумает и возьмет свое предложение обратно. Или он может подумать, что она ему какие-то условия ставит... Да и вообще... Может, мама еще и не отпустит ее ни в какой замуж! Пристыдит, усовестит! Заплачет горько – чего ты меня бросаешь, мол?

Весь вечер она маялась, не зная, как приступить к этому разговору. И снова ругала себя за нахлынувшую робость: что это с ней происходит вообще? И с Денисом тоже повела себя как деревенщина – не могла более достойно принять его предложение, что ли? Можно ведь было просто сказать – по-

думаю, мол... Как все порядочные и уважающие себя девушки говорят в подобных ситуациях. А она сидела, опустив очи долу, бормотала что-то невразумительное. Хочу за тебя замуж, да боюсь, что мама не разрешит...

Собралась с духом, вышла во двор, где мама варила яблочное варенье, выпалила скороговоркой:

– Мам, мне сегодня предложение сделали! Ты как к этому относишься, мам? Только честно скажи, пожалуйста...

Мама отмахнула рукой от лица парок, поднимающийся от большого таза с кипящими в сиропе яблоками, уставилась на нее непонимающе:

– Какое такое предложение, Наташка? Объясни толком.

– Да обыкновенное предложение... Руки и сердца...

– Замуж, что ли, позвали?

– Ну да, да!

– И кто ж позвал? Колька Ерофеев, поди?

– Да ну... Какой Колька, мам! Еще чего выдумашь! Нужен мне этот Колька...

– А кто тогда? Вроде других ухажеров у тебя нет... Это ж Колька по тебе со школы еще убивается.

– А вот и есть, мам...

– Да кто? Не тяни давай, если уж начала!

– Его Денисом зовут, мам... Он у нас в больнице лежит, уж две недели как...

– Этот тот, с дорожной аварии? Которого твой Петров по косточкам собирал?

– Ну да... Он...

– Ну, ты даешь, Натаха! Да он поди подшутил над тобой, а ты и поверила! Тоже мне, невеста нашлась! Он же городской да нахальный, ему пошутить над девкой, как нечего делать!

– Нет, мам, он не пошутил. Он серьезно предложение сделал, мам.

– Да как серьезно-то, как может быть серьезно! Только оклемался и сразу жениться захотел, что ли? Сама ж говоришь, он всего две недели в больничке лежит!

– Ну и что? Он меня любит, мам...

– Да когда ж он успел влюбиться-то, сама подумай!

– Но я же влюбилась... Мне тоже двух недель хватило... Влюбиться можно и за один день, мам. Не в сроке же дело...

– Да не рассказывай мне про любовь, не рассказывай! Я вон тоже когда-то... Влюбилась в твоего отца сразу, наотмашь... Да только что из этого вышло, а? Он как узнал, что я забеременела, так и сбежал сразу, только пятки сверкали! Вот тебе и вся любовь... Растила тебя всю жизнь одна и вырастила на свою голову...

– Мам, ну что ты... Я же знаю, что Денис вполне серьезно мне предложение сделал...

– Да откуда ты знаешь-то, господи?

– Я знаю, мам. Я... Я так чувствую.

– Ага, ага... Чувствуешь, стало быть... А у тебя от этих чувствований уж и головушка закружилась! А ты подумала,

как жить-то с ним будешь, а? Он же избалованный, городской... Да и не из простых, это ж ясно! Вон мне Танька соседская сплетничала, что родители вроде к нему на дорожке машине приезжали... Все из себя такие, фу-ты ну-ты... Правда это иль нет?

– Приезжали, мам, да... Забрать в город хотели... И вовсе они не фу-ты, ну-ты, они обыкновенные люди, мам.

– И чего ж он с ними не поехал, интересно?

– Он из-за меня не поехал... Я ж говорю, он влюбился в меня. А я в него...

– Ой, не знаю, Натаха, не знаю, что тебе и сказать... – вздохнула мама, машинально помешивая варенье в тазу. – С одной стороны, мне вроде и радоваться надо, как матери... Мол, за обеспеченного дочка замуж собралась... А с другой – сомневаюсь я, Натаха, шибко сомневаюсь! А вдруг он побалуется этой любовью, наестся ею досыта да выставит тебя восвосяси? Да не дай бог, с приплодом? Что мы тогда с тобой делать-то будем, а? Не хочу я тебе своей судьбы, не хочу... Уж на что Колька Ерофеев дурак дураком, а все ж таки свой, местный. Хоть и попивает, да всегда на него управу можно найти. А тут... И не знаю, что и сказать-то тебе...

– Мам, да все будет хорошо! Что я, маленькая, сама не могу решать, с кем мне жить? Не этого я боюсь, мам... Я за тебя больше боюсь... Как ты тут одна без меня справишься?

– Ой, уж вот за меня точно не надо переживать, Натаха! Да какая ж мать будет поперек дочкиному счастью стоять?

Нет уж, и разговор даже на этот счет не заводи, не надо... Как решишь, так и поступай, тебе жить. Я уж свой век отжила, помехой тебе быть не хочу и не буду. Выходи замуж за своего Дениса, если так решила. Сколь поживешь, столь и поживешь замужем, как бог даст. Обо мне не думай. Слышишь, что говорю?

– Слышу, мам... Но ведь я тебя все равно не брошу, правда? Я часто приезжать к тебе буду, очень часто... И с огородом помогать, и вообще...

– Ты сама себя сейчас уговариваешь, что ль, не пойму? Не надо, не уговаривай. Если тебе будет хорошо, то и мне жить легче, и не вини себя заранее, поняла?

– Да, мам, поняла... Спасибо тебе, мам...

– А свататься-то придет твой жених? Пусть придет, я хоть гляну на него, что за фрукт.

– Придет, мам. Вот поднимется совсем и придет. Ему пока трудно ходить.

– Понятно... А Петров-то тебя отпустит хоть?

– Да куда ж он денется? Заявление напишу, и отпустит.

– Ну-ну... В больнице-то уж поди все косточки тебе перемыли? Такое событие, надо же...

– Не знаю, мам. Я как-то не замечала...

– Конечно, тебе ж не до этого! Ты ж у нас влюбленная нынче! Странно, что мне еще ни одна сорока на хвосте эту новость не принесла... Матери всегда все последними узнают, ничего не поделаешь!

Как потом оказалось, мама была права. В больнице бурно обсуждали ее роман, молоденькие медсестры пищали от возмущенной зависти. Одна из них, Риточка Воронцова, считавшаяся первой местечковой красавицей, даже обиделась на нее, выговаривала почти со слезами:

– Ну что, что он в тебе нашел, Наташка? Ты ж такая... Совсем обыкновенная. Вон, даже не красишься! Да на тебя же взглянешь и мимо пройдешь, тут же забудешь!

– Ну-ну... Осторожнее на поворотах, Воронцова! – строго осадила Риточку старшая медсестра Ирина Владимировна. – Спрячь свою зависть куда подальше, не надо тут... Брызгать ею во все стороны. А Наташа, между прочим, гораздо лучше тебя будет выглядеть, если столько же штукатурки на лицо наляпает! Да только ей это вовсе ни к чему...

– Да прям лучше... Она же старше меня на пять лет! – осторожно парировала Риточка, сердито взглянув на Ирину Владимировну.

– Ну и что, если она старше? Это ведь об одном только говорит... Что ей замуж пора, вот и все. А тебе, соплюхе, до замужества еще дорасти надо, поумнеть надо, глупости всякие из головы выбросить!

– Да как рано, как рано? Мне уже двадцать исполнилось! Это Наташке двадцать пять уже! Мне-то как раз нормально замуж, а ей поздно! Кто сейчас на таких старушек смотрит? Она уже... Она же... Анфаклб, можно сказать!

– Кто она, не поняла? – Вздернула брови вверх Ирина Вла-

димировна.

– Ну, не поняли, так и не надо... Вы ж блогеров не читаете, вам не понять.

– Да, мне читать всякую ерунду некогда, я и тебе не советую!

– А это вовсе не ерунда, Ирина Владимировна! Это новые реалии, понимаете?

– Нет, не понимаю... Значит, согласно твоим новым реалиям, в двадцать пять уже на пенсию пора отправляться?

– Да, вы действительно не понимаете, что ж вам объяснять... А вот Наташка меня поняла. Правда, Наташ?

Ну что она могла на это возразить бедной Риточке? То же чем-то подобным ответить? Или пристыдить: как тебе не стыдно так нехорошо выражаться? Да ну... Не стоит. Лучше просто улыбнуться да мимо пройти, вздохнуть сочувствующе – ничего, мол, Риточка, будет и на твоей улице праздник. Если, конечно, не утонешь заранее в собственной зависти.

Хотя с другой стороны... Риточкина зависть была ей даже приятна. Как-то поднимала эта зависть ее в собственных глазах, придавала уверенности. Казалось, даже походка у нее изменилась, и осанка другая стала, и разворот плеч... И доктор Петров это заметил, отвесил комплимент:

– Хорошеешь на глазах, Натаха! Прямо глаз на тебя радуется, любо-дорого смотреть, хоть картину с тебя пиши! Вот что любовь с девушкой делает, а? Слышал, этот парень уже и замуж тебя позвал... Правда или наши девки сочиняют

по ходу дела? Сериалов, поди, по телевизору насмотрелись? Про медиков сейчас модно сериалы снимать!

– Нет, Дмитрий Алексеевич, не сочиняют... Он и правда мне предложение сделал. Причем так неожиданно, что я растерялась даже...

– Понятно... И что ты ему ответила? Неужто согласилась?

– Ну да... А что, не надо было, по-вашему?

– Да отчего ж не надо... Тебе решать, это тебе предложение сделали, а не мне. Хотя и жалко тебя с ним отпускать, конечно... Он ведь у нас в Бережном не останется, ясное дело?

– Нет, не останется... У него в городе свой дом есть. Сказал, мы там будем жить.

– Свой дом, говоришь? Хм... Ну что ж, это хорошо. В достатке, стало быть, дальше твоя жизнь пойдет, Натаха. Видел я его родителей, уважаемые такие, да...

– Вы так говорите сейчас, будто сомневаетесь в чем, Дмитрий Алексеевич... Голос у вас такой... Грустный маленько. Если и впрямь сомневаетесь, скажите мне, пожалуйста. Может, я не понимаю чего-то, не вижу? Или, может, вам Денис не нравится, а?

– Ну, нравится, не нравится... Это уж не моя епархия, извини. Лишь бы тебе нравился, это главное. Хотя...

– Что, Дмитрий Алексеевич? Вы говорите, я слушаю...

– А давай-ка мы с тобой чайку выпьем, а? Что мы тут, в коридоре... Пойдем ко мне в кабинет, у меня и конфеты

вкусные есть... Попьем чайку, поговорим, подумаем, что да как...

– Пойдемте, Дмитрий Алексеевич. Я с удовольствием послушаю, что вы скажете... – задумчиво согласилась она, чувствуя, как холодный ветерок пробежал по солнечному сплетению. Уж больно голос у доктора Петрова был настороженный. Будто он заранее готовил ее к тому, что разговор их получится не очень приятным.

В кабинете он шустро организовал чай, вытащил из ящика стола коробку шоколадных конфет и пузатую бутылку темного стекла. Спросил коротко:

– Коньяк будешь?

– Нет, что вы... Я ж совсем не пью.

– Да знаю, знаю... Я ж так спросил, для приличия. А я выпью немного... Не возражаешь?

– Нет, не возражаю.

– И правильно... Моя-то жена Аннушка шибко в последнее время против коньяка настроена, якобы за здоровье мое боится. Я ей объясняю, что сосуды расширить надо, а она одно свое... Говорит, в меня столько коньяка за всю жизнь влито, он уже в состав крови вошел, так что сосуды как-нибудь перебыются.

– Да, Дмитрий Алексеевич. Ваша жена вас очень любит, это все в больнице знают.

– А я разве спорю? Любит, конечно. И я ее люблю. Хоть и попил ее кровушки изрядно в свое время... Да не об этом

сейчас речь. Мы вроде о твоём женихе говорить хотели. Ты пей чай-то, пей, остынет же. И конфетку вон возьми...

Дмитрий Алексеевич налил в стакан изрядную порцию коньяка, выпил одним долгим глотком, выдохнул, закрыв глаза и прижав сухое запястье к носу. Потом встряхнулся весь, подобрался, заговорил медленно:

– Знаешь, я сейчас вспомнил... У Пушкина повестушка одна такая есть, «Станционный смотритель» называется. Хорошая такая повестушка, философская...

– Я знаю, Дмитрий Алексеевич. Мы в школе проходили. Я очень хорошо сюжет этой повести помню...

– Помнишь, говоришь? Ну ладно... Это замечательно, что помнишь. Да только помнить сюжет – это одно, а выводы какие-то для себя сделать – это другое... Повестушка-то эта как раз про тебя, Наташенька. Вспомни-ка, о чем там...

– Ну... Там дочка этого станционного смотрителя... Дуня, кажется? Она влюбилась в заезжего офицера... Он болел, что ли... Остановился у них с отцом на станции... А потом она с ним сбежала... Отец очень переживал, что офицер ее увез... Но почему эта повесть про меня, Дмитрий Алексеевич? Почему вы так сказали? Вы думаете, я маму свою бросаю, да? Она болеет, а я уезжаю и ее бросаю?

– Ну вот... У кого что болит, тот о том и говорит... Вовсе я так не думаю, что ты! Я ж о тебе сейчас говорю, а не о твоей маме! А если уж быть совсем откровенным... Я просто за тебя боюсь, Наташа.

– Боитесь? Почему вы за меня боитесь?

– Ну как тебе объяснить, не знаю даже...

– А! Вам жених мой не нравится, я поняла!

– Да нет, не в этом дело...

– А в чем тогда? Вы боитесь, что он меня обманет? Что я уволюсь, уеду от мамы, уеду из Бережного... А потом придется назад возвращаться... Да?

– Ну, не совсем...

– Но я же не просто так с ним уезжаю, я ведь замуж за него выйду! Понимаете? Замуж! Он сам так сказал!

– Да какая разница, замуж, не замуж... Формальность ведь сути дела не меняет. Можно и замужнюю несчастную жить прожить, и незамужнюю – вполне счастливую. Поверь, я на своем веку всяких женщин перевидал... Да что я! Вот хотя бы ту самую Дуню возьми, дочку пушкинского станционного смотрителя. Он ведь гений, Пушкин-то... Как есть гений! У него это вполне себе недвусмысленно звучит – каждому свое место в этой жизни предназначено, судьбой определено... Выше своего места прыгнешь, а в другое можешь и не попасть.

– То есть... Вы хотите сказать, что если я родилась и живу в Бережном, то мне и соваться нечего свиным рылом в калашный ряд? Так, что ли?

– Ну не сердись, не сердись... Ничего я относительно рыла с калашным рядом не говорю. Я ж про другое... Я про то, что трудно бывает из одной жизни в другую перепрыг-

нать. У каждого для жизни своя территория обозначена, ее и следует держаться, понимаешь? Вот и пушкинская Дуня... Осталась бы с отцом, жила бы той жизнью, которая для нее с рождения обозначена... Может, и более счастливая у нее жизнь вышла, и не была бы она игрушкой в руках заезжего офицера... И отец бы так не страдал...

– Да с чего вы взяли, что у нее бы лучше сложилась жизнь? Может, ее новая жизнь по всем статьям устраивала? Она ж любила этого офицера, детей от него рожала! Это понятно, что он ее в свой круг не ввел, но... Она же любила!

– Э, милая моя Наташенька... Никто никогда не понимает до конца, в чем состоит его счастье согласно божьему земному устройению. Разве это счастье, если она родителя бросила? А родитель страдает ни за что ни про что, дитя своего не видит, не знает, что с ним да как? Разве ж это счастье? Это ж чистой воды предательство. И как с этим предательством жить, скажи? Пушкин-то как раз был на стороне этого несчастного старика, станционного смотрителя... Ты уж не сердись, что я тебе все это говорю, Наташенька. Просто подумай сто раз, так ли уж это хорошо – сбегать из той жизни, которая тебе привычна? Сможешь ли в новой жизни себя изменить, свою природу изменить? Это ведь нелегко, это далеко не каждому удастся! Ничего сейчас не говори, просто подумай...

Она потом долго вспоминала эту странную беседу с доктором Петровым. И не могла не признать, что он был во мно-

гом прав... И в самом деле – трудно было примеривать на себя другую жизнь, ой как трудно.

Нет, с Денисом у нее все хорошо складывалось, после свадьбы он был по-прежнему ласков и мил. Только у нее все время возникало странное какое-то ощущение... Будто она не жена ему, а мамка. Мамка, которая выслушивает его ежевечерние жалобы на деспотичного отца, которая подбирает правильные слова, чтобы его успокоить... Мамка, которая подсакивает ранним утром с постели, чтобы приготовить завтрак. Мамка, которая всегда должна быть готова убаюкать, погладить по голове, шепнуть на ушко ласковое словцо. Да, все это она делает от души и по большой любви... А еще при этом испытывает чувство вины, что сидит дома, что живет на деньги своего любимого чада. Хотя и тратит немного. Вернее, очень старается тратить немного.

Правда, потом оказалось, что это как раз всех и раздражает. А больше всех была недовольна свекровь, Юлия Сергеевна. Помнится, как пыталась ее вразумить, выговаривала сердито:

– Наташа, ну как ты выглядишь, посмотри на себя в зеркало! Что за вид? Откуда ты это платье выкопала, скажи?

– Это я вчера на распродаже купила... А что? По-моему, очень красивое... И недорогое...

– Красивое? Да оно же выглядит ужасно дешево! К тому же безвкусно! А туфли? Что это за туфли? Такие еще два сезона назад в моде были! Нет, это никуда не годится, На-

таша! Завтра я сама тебя повезу по магазинам, уж извини, буду тебе все сама покупать! Надеюсь, не станешь на меня обижаться?

– Нет, Юлия Сергеевна, не стану.

– Вот и хорошо! И в салон завтра с собой тебя возьму, и в тренажерный зал... Не мешало бы тебе задницу подтянуть, дорогая.

– Что?!

– Задницу, говорю, подтянуть! Что ты смотришь на меня так, будто я бог весть что сказала? Да, фигура у тебя хорошая, не спорю... Косточка тонкая по природе досталась. Но ведь это еще не все, моя дорогая... Надо уметь себя соблюсти в приличном виде, ты ведь не должна забывать, что уже другой жизнью живешь... Среди приличных людей...

Конечно, она могла возразить свекрови, сказать что-нибудь этакое... Мол, качество задницы не определяет приличия, и платье с распродажи тоже... Но зачем такое говорить, не стоило. Свекровь права, наверное. И доктор Петров был прав, когда говорил про ту самую Дуню...

Иногда ей вполне определенно казалось, что она та самая Дуня и есть. Что живет не своей, а совершенно чужой жизнью. Что ее жизнь осталась там, в поселке Бережном, в маленьком домике у реки, с баней в огороде, с яблоней в палисаднике. А с другой стороны... Возвращаться в прежнюю жизнь особого желания тоже не возникало. Такое складывалось ощущение, будто она сидит в кино и смотрит, как по-

казывают на экране красивую жизнь... И смотреть на нее так приятно! И туда, в эту экранную жизнь, тоже хочется, но все равно понимаешь, что это не твоя жизнь... И выходить из кинотеатра не хочется. Ни туда уже, ни сюда...

К маме в Бережное она ездила не так часто, как хотелось. Денис всегда недоволен был, когда она уезжала. Звонил все время, спрашивал капризно – когда вернешься? Мама тоже все понимала, смотрела на нее виновато. Потом будто спохватывалась и принималась убеждать, что ей немедленно надо вернуться к мужу, что чувствует она себя и в одиночестве хорошо, замечательно просто, и на здоровье не жалуется. Но ее разве обманешь? Тут и медиком не надо быть, все мамино здоровье вот оно, как на ладони. Давление высокое, ничем его не собьешь, и тахикардия страшная. И ходит уже с трудом... Даже варенья яблочного в августе не сварила и картошку с огорода не убрала. Хорошо, соседи помогли... Не просто так, за деньги, конечно. Соседка тетя Настя, когда за свою помощь деньги брала, успела ее укорить довольно жестко:

– Совсем ты, Натаха, мать забросила! Как она зиму-то зимовать будет, подумала? Как печку станет топить? Живешь там в своем богатстве, на мать тебе наплевать...

Пришлось и это проглотить, чего уж. Тем более пришлось и с поклоном к тете Насте обратиться:

– Может, вы маме поможете, тетя Настя? А я вам платить буду... Я хорошо вам буду платить, тетя Настя...

– Ладно, что с тобой сделаешь... Хотя я и сама здоровьем слаба, но буду присматривать за матерью-то, чего уж. И от денег не откажусь. Ты, чай, не обеднеешь, если от себя оторвешь. Мать ведь она тебе, не чужая...

– Да, конечно. Только вы маме не говорите, что я вас об этом просила. Хорошо?

– Это почему еще?

– Ну, не надо... Не захочет она... Вы сделайте вид, что просто по-соседски помогаете, ладно? Просто заходите к ней каждое утро, смотрите, чем нужно помочь... А если что – сразу звоните мне, хорошо? Я вам свой телефон оставляю...

Зиму мама пережила с трудом. Болела все время. Однажды тетя Настя позвонила, напугала ее сообщением – плоха, мол, твоя мать, приезжай скорее!

В тот день они с Денисом аккуратно должны были в ресторан идти, день рождения Юлии Сергеевны отмечать. Пришлось срочно звонить Денису на работу – прости, мол, не могу пойти, надо уехать срочно, с мамой там плохо... Он возражать не стал, но по интонации голоса она поняла – обиделся. Но думать об этом было уже некогда: такси сигналило у ворот. Побежала к машине как заполошенная...

Мама лежала в постели маленькая, сухонькая, смотрела на нее виновато – зачем приехала? Все со мной хорошо, зря эта Настасья панику подняла...

Села с ней рядом, взяла за руку, сглотнула жалостливую слезу:

– Давай я врача приведу, мам? Или договорюсь, в больницу тебя положат?

– Да ну ее, твою больницу! Не хочу! Дома помирать буду! А ты давай, ехай обратно, к мужу... Нечего тебе тут... Что я? Лежу себе да лежу. Жду, когда зима кончится. Вот весна наступит, тогда и встану... Ехай обратно, Натаха, слышь?

– Мам... Ну что гонишь меня все время? Я с тобой поживу...

– А нечего тебе здесь жить, муж тебя дома ждет! Это ж бог услышал мои молитвы, счастье тебе послал... Ведь любит тебя муж-то, правда?

– Любит, мам...

– Ну и слава богу, что любит. И живи с ним в любви да согласии. Деточек-то еще не надумали рожать?

– Нет... Не получается пока.

– Ну, это дело наживное. Смотри, Наташка, тебе за двоих надо счастливой быть... За себя и за меня... Давай поезжай обратно, слышь?

– Мам... Ну как я тебя одну оставлю? Я же вижу, как тебе плохо...

– Да мне лучше будет, коль ты уедешь, а не станешь рядом со мной сидеть! Я буду знать, что у тебя все хорошо, и ладно. Этим и буду жить. Не бойся, я до весны точно не умру. Очень уж хочется еще и на солнышко глянуть... Вот придет весна, и поднимусь, обещаю тебе! Давай, давай... Денису от меня привет передавай, хороший он у тебя, добрый...

Она только улыбнулась в ответ. Да, мол, добрый... Вспомнилось отчего-то, как Денис после больницы к маме знакомиться приходил... Как очень старался ей понравиться, как говорил тихо-проникновенно:

– Я очень люблю Наташу, Лидия Федоровна... Я никому вашу дочку не дам в обиду. У нее все будет, я вам обещаю... Все, что она захочет. Вы можете во мне не сомневаться, я никогда и ничем ее не обижу... Надеюсь, на свадьбу к нам приедете, Лидия Федоровна?

Мама согласно кивала, улыбалась почти блаженно. Видно было, что Денис ей понравился. Можно сказать, очаровал. И благословила их с легкой руки, и вздохнула так легко – хорошо, мол, дочка устроится, и слава богу!

Потом, когда надо было уезжать, мама даже слезинки не проронила. Стояла, махала рукой вслед машине. А у нее кошки на душе скребли... Как она тут будет, совсем одна?

На свадьбу мама не приехала. По телефону объяснила – да ну, мол, какая я гостья, я только стесняться буду, не надо! Потом выяснилось, что она себя просто неважно чувствовала, сердце прихватило...

– Как там свекровка-то, не обижает тебя? – тихо спросила мама, повернув голову на подушке. – Расскажи хоть, коли приехала...

– Нет, что ты! Совсем не обижает! Она... Она очень хорошая...

– Ну и ладно, хорошо! А то ведь разные свекровки-то

бывают... Вон соседка-то наша, Настена! Так свою невестку невзлюбила, что она, бедная, каждую ночь слезами обливается! Недавно заходила ко мне, жаловалась. Мне бы надо с Настей поговорить, чтоб не злобствовала, да как я говорить стану? Настя приходит каждое утро, помогает... Вот странно, да? Ко мне Настя добрая, а к невестке своей – хуже некуда. А твоя свекровка, значит, хорошая...

– Да, мам, хорошая.

– Ну, ладно тогда... Если обижать станет, ты мне пожалуйся. Я ей позвоню, заступлюсь за тебя.

Пришлось кивнуть головой – ладно, мол, пожалуюсь. Да если бы мама знала, как ей и впрямь хотелось пожаловаться, особенно в первые дни своего скоропалительного замужества! Рассказать, как Юлия Сергеевна ее приняла... Поначалу вообще будто ее не замечала, только фыркала и проговаривала сквозь зубы – то не так невестка делает, это не этак... А однажды вообще заговорила с Денисом так, будто ее и рядом с ним в этот момент не было:

– Ну что ж поделаешь, сынок... Это твой выбор. Пусть будет Наташа, что ж... Как говорится, чем бы дитя ни тешилось... Хотя в твою Наташу много чего вложить придется. Ее еще учить да учить, как себя в приличном обществе вести. Очень точно на этот счет незабвенная Раневская выразилась – можно вывезти девушку из деревни, но деревню из девушки вывести невозможно.

– Мам, перестань! Если ты так будешь говорить о моей

жене, мы поссоримся! Ты видишь, она уже чуть не плачет?

Он даже встал к ней лицом и спиной к матери, будто защищал таким образом от обидных слов. Да и сама Юлия Борисовна тоже почувствовала, что перегнула палку, заговорила виновато:

– Ладно, ладно, прости... Не буду я так больше, обещаю. Просто из меня досада сейчас так лезет, как пена, понимаешь? Удержать ее не могу... Чувствую себя бутылкой шампанского, с которой неудачно пробку сорвали. Прости, сынок, эта пена уйдет, потом вино будет. Не стану я больше твою жену обижать, обещаю. И ты, Наташа, меня прости и тоже пойми. Слышишь?

– Да, Юлия Сергеевна... Я слышу... – проговорила тихо, стараясь не расплакаться.

– Ну вот и хорошо, и ладно. Значит, договорились. Но уж изволь меня на первых порах слушаться, моя дорогая! Учить тебя буду, как без досадных оплошностей в новую жизнь входить! Станешь учиться или свою обиду впереди себя взгромоздишь?

– Соглашайся, Наташ... – проговорил ей на ухо со смешком Денис. – Если не согласишься, себе дороже будет...

На том и порешили. И Юлия Сергеевна рьяно взялась за ее «перевоспитание». То есть за переделку. То есть за процесс выведения деревни из девушки. Сама ездила с ней по магазинам, сама выбирала одежду и даже увлеклась этим всерьез, почувствовав себя добрым пигмалионом. И в спор-

тивный клуб ее отвела, и к массажисту, и к своим «девочкам» из салона красоты.

Ох как она уставала поначалу от этой новой жизни! Не физически, конечно, а от душевного напряжения сделать что-то неправильно. А потом ничего, привыкла... И даже втянулась: начала получать удовольствие от новой жизни. Не зря говорят – к хорошему быстро привыкаешь. Раз-два, и все, и готова для новой жизни ухоженная с головы до ног женщина, и «деревни» в ней практически не осталось. И задница уже подтянута как надо. И платье правильное научилась носить, и туфли, и сумочку. И к большому комфортно-му дому привыкла, и к приходам домработницы по утрам.

С домработницей Аней вообще вышла отдельная история – никак она не могла привыкнуть к тому, что Аню надо не просить с нотками виноватости, а просто давать задания спокойным уверенным голосом. Чуть-чуть отстраненным, как учила Юлия Сергеевна. Но без уничижительного фанатизма. Просто чтобы расстояние чувствовалось. Целая наука, одним словом...

А вот и входная дверь хлопнула: Аня пришла. Надо оторваться от созерцания чудесного вида, спуститься вниз на кухню. Надо начинать свой день... Хотя можно еще немного постоять, подумать... Все равно этот день никуда от нее не денется.

Прекрасный день, заполненный всякими приятностями! Через час, например, у нее встреча с Юлией Сергеевной в од-

ном премиленьком кафе в центре, где подают умопомрачительный кофе. Потом они пробегутся по бутикам в торговом центре, потом по плану массаж, потом обед... А может, и с Денисом удастся пообедать, если его распорядок дня позволит.

Подумалось вдруг – а ведь неправ был доктор Петров, когда пугал ее этой новой жизнью... Мол, каждому свое предназначено, и где родился, там и пригодился. Ерунда какая, господи! Да как бы она без Дениса жила, если бы тогда струсила и отказалась замуж за него выйти? Ведь она так его любит... И сейчас тоже – только вспомнила о нем, и в сердце нежная теплота трепыхнулась. Как же она его любит, господи! Жаль только, что Денис пока детей не хочет...

Но ведь это и впрямь пока. Всему свой срок, наверное. Может, он и прав по-своему, когда говорит:

– Давай с детьми подождем, Наташ, а? Давай немного для себя поживем? Нам ведь так с тобой хорошо, правда? А дети... Это ж всегда успеется. Это ж потом на всю жизнь, уже про себя и не вспомнишь...

Она кивала согласно, но все же ребенка ей очень хотелось. И Юлия Сергеевна все время спрашивала, внимательно к ней приглядываясь:

– Ты не беременная, нет? Почему так тянешь с этим вопросом? Не хочешь, что ли?

– Почему же не хочу? Хочу... Просто я... Просто мы... – лепетала она, опуская виновато глаза.

– А, понятно! Это Денис не хочет! Ну да, как я сразу не догадалась... Ведь это он не хочет, да?

– Ну да... То есть пока не хочет...

– Ага, размечталась! Пока! Не тешь себя иллюзиями, глупенькая! Сейчас не хочет и потом не захочет, уж я своего сыночка знаю! Зачем ему эти трудности, зачем ему любимую женщину еще с кем-то делить? Он же эгоист до мозга костей, ты и сама это понимать должна. Это ж особая женская наука, знаешь ли, особая хитрость – жить с мужем-эгоистом. Уж я-то знаю, о чем говорю. Да если бы я вот так ждала, когда это «пока» закончится, у меня и сына бы не было... Так что будь умнее, моя дорогая, не надо желания эгоиста во главу угла ставить. Ишь, пристроился, паразит! Женился на доброй покладистой девушке, которая во всем с ним соглашаться готова... Дети ему, видишь ли, не нужны... Зато мне внуки нужны! Поняла?

– Но... Что же я сделаю, Юлия Сергеевна? Если он так решил...

– А твое решение где? Ты сама где? Зачем так в муже растворилась? А твое женское слово где? Ты баба, тебе не только любимый муж, тебе еще и дети нужны, поняла? Вот и выползай из своей покладистой шкурки, делай свое дело, отстаивай свои желания! Надеюсь, ты меня услышала, моя дорогая?

– Да, Юлия Сергеевна. Услышала.

– Вот и молодец. И запомни одно... С эгоистом жить труд-

но, но можно. Так что давай, действуй...

Странно, отчего вдруг ей вспомнился этот разговор с Юлией Сергеевной? Именно сегодня вспомнился? Из-за того, может, что утром слегка тошнило и мелькнула мысль: надо бы тест на беременность в аптеке купить? Вдруг оно уже все свершилось, а она и не знает? Не зря же Дениса так ловко обманывала с опасными и безопасными днями...

А если свершилось, то она ему не скажет, конечно же. Зачем? Пусть пока думает, что все по-прежнему, что живут они исключительно для себя. Юлии Сергеевне скажет, а Денису нет...

Вздыхнула, улыбнулась, закрыла глаза. А когда их открыла, удивилась тихо – пейзаж за стеклянной стеной изменился будто. Потемнел. Все краски куда-то ушли. Газонная трава не радовала глаз изумрудом, лес за забором встал сплошной темной стеной, стволы сосен не светились больше солнечным янтарем. И самого солнца не было...

О, да на него туча набежала! Спелая такая туча, набухшая влагой до синевы. Вот-вот дождем обрушится! Хорошо хоть Аня успела доехать вовремя, не промокла...

А вот и Анины шаги слышны на лестнице. Тихие, осторожные. И голос ее за спиной:

– Доброе утро, Наташа... Тут у вас телефон все время звонит, вы его на кухонном столе оставили... Вот, я вам принесла...

Обернулась, проговорила деловито:

– Спасибо, Аня. Это Юлия Сергеевна звонит, наверное. Мы с ней через полчаса встретиться должны в городе, а там уже, наверное, дождь всюю идет. Я сейчас уеду, а вы...

Хотела по привычке определить задание Ане на день, но не успела: телефон подал сигнал вызова. Глянула на дисплей и обомлела... Это ж тетя Настя звонит из Бережного! Значит, с мамой что-то не так... О господи, пронеси! Только пусть не самое ужасное, господи...

– Да, тетя Настя, слушаю... – ответила вмиг осипшим от страха голосом. – Что случилось, тетя Настя?

– Что случилось, что случилось! А то самое и случилось, что должно было! Инсульт по твоей матери бабахнул, вот что! Я утром пришла, а она около кровати лежит, вся скрюченная...

– Почему... около кровати? – произнесла тихо, чувствуя несуразность своего вопроса.

– Да упала с кровати, вот и все! Видать, подняться хотела зачем-то... Поднялась, два шага ступила, тут ее и шарахнуло! Слышь меня, Натаха? Чего замолчала-то? Где ты, алле?

– Я здесь, тетя Настя... Я здесь... А... Что сейчас с мамой, где она?

– Так я сразу «Скорую» вызвала... Они быстро приехали, поделали там с ней чего-то. Вроде капельницу воткнули. Да только врачиха «Скорой» сказала, что бесполезно все, слишком долго она одна пролежала. Говорит, теперь уж вряд ли поднимется. Время, говорит, упущено. Так и будет теперь

лежкой лежать, беденькая...

– Куда ее «Скорая» увезла, тетя Настя?

– Так знамо куда! В нашу больничку и увезла, куда ж еще? Да ты сама приезжай, сама все и узнаешь... Тебе ведь все как есть в больнице обскажут, ты ведь у них работала раньше... Мне так ваш главный и приказал – позвоните, говорит, Наташе, пусть приедет... Как его зовут, забыла? Представительный такой, в солидном возрасте доктор.

– Это Петров, Дмитрий Алексеевич...

– Ну да, ну да. Он самый. Так что, приедешь? Или как?

– Конечно, приеду, тетя Настя. Прямо сейчас и поеду... Сразу в больницу, к Петрову...

– Давай. Потом, после больницы, ко мне зайти, я тебе ключи от дома отдам. Я дверь заперла на всякий случай, мало ли что... Ладно, не буду тебя задерживать, поезжай!

Тетя Настя отключилась, а она все стояла у стеклянной стены, сжимала в руке телефон. Дождь уже начался: веселый, сильный, окаянный! Молотил по веранде упругими струями. Надо было идти... То есть бежать надо было, торопиться... Но ноги будто приросли к полу, и голова стала мутной, будто не хотела в себя впускать новые мысли. Казалось, они кружились вокруг головы, требовали свое место, жалили по глазам, по вискам болью. И шипели зло прямо в ухо: вот и все, кончилась твоя счастливая жизнь, кончилась... Бросила мать, да? Счастливой чужой жизни захотела, как та Дуня? Теперь получай свое, получай... Теперь твое место опять в Береж-

ном, рядом с матерью... Откуда уехала, туда и вернешься, и мечтать не надо было ни о чем таком!

Как назло, и дождь кончился. И солнце засияло вовсю, напоминая о том, что счастье было совсем рядом, обнимало ее всего каких-то десять минут назад... Обнимало, обволакивало! И кончилось вдруг...

Наверное, так всегда и бывает. Наверное, наивысшее счастье испытываешь тогда, когда несчастье уже стоит у тебя за спиной. И ждет своего часа. Когда ты паришь птицей над лесом, над янтарными солнечными стволами, несчастье уже подкрадывается к тебе на цыпочках...

Наконец, нашла в себе силы, отвела глаза от бывшего счастья. Кликнула номер телефона Дениса, и он ответил слегка сердито:

– Что у тебя, Наташ? Я занят сейчас...

– У мамы инсульт, Денис. Я в Бережное сейчас уеду. Не теряй меня.

– Понятно, что ж... Но к вечеру ты приедешь?

– Ты меня не понял, может? Я ж объясняю: у мамы инсульт! Она в больнице! Какое там к вечеру? Я же рядом с ней должна быть!

– Ну ладно, чего ты сердишься? Если надо, так поезжай...

– Все, пока. Позвони прямо сейчас Юлии Сергеевне, скажи, чтобы меня не ждала. У нас встреча была назначена.

– Хорошо, как скажешь.

– Спасибо. Пока. Я потом еще позвоню...

Первой вышла из диалога, чтобы не плеснуть в Дениса вспыхнувшей вдруг досадой – вот же эгоист, а? Понятно ему, надо же! Вот так сразу все ясно и понятно, ага! И вечером домой приедешь! И все станет дальше как было...

Ведь ясно уже, что не будет как раньше! Что все изменится теперь... Что мама больше не встанет...

Ладно. Чего зря досаду перебирать. Ехать надо. Лететь. И чем скорее, тем лучше!

Телефон опять зазвонил, и глянула на дисплей с надеждой: неужели Денис опомнился, решил какие-то слова поддержки сказать?

Нет, это не Денис... Это Таня. Подруга. И как вовремя!

– Ой, Танюш... Как хорошо, что ты позвонила... Я... У меня тут... Я ехать должна...

– Что случилось, Наташ? Почему у тебя такой голос? И куда тебе надо ехать?

– Да у мамы инсульт, она в больнице сейчас! И надо ехать... А я будто с места сойти не могу, внутри все трясется... Я боюсь, Тань! Боюсь... Вдруг я не доеду...

– Да куда ты денешься? А ну возьми себя в руки, слышишь? Или хочешь, я поеду с тобой?

– Да куда ты поедешь... Тебе же улетать надо в Израиль, ты говорила...

– Так у меня послезавтра самолет! Так что я могу и сегодня с тобой поехать, и завтра с тобой целый день рядом быть! Я знаю, как в таких случаях поддержка нужна, Наташ.

Просто чтобы кто-то был рядом... Хочешь?

– Хочу, Тань... Конечно, хочу. Спасибо тебе. Тогда я сейчас выезжаю... Где тебя забрать, скажи? У твоего дома?

– Я буду стоять у парикмахерской, на углу... Чтобы тебе во двор не заворачивать, там машин всегда много. Поняла?

– Да, поняла... Я еду, Тань.

– Давай, жду...

Отняла от уха телефон и только сейчас увидела, что Аня стоит рядом, прижав кулаки к губам, смотрит на нее испуганно. И произнесла решительно:

– Все, Аня, я уехала! Сейчас только оденусь... Вы уж сами тут, Аня... Соображайте, что надо делать...

– Да, я все сделаю, не волнуйтесь! И приберу в доме, и в прачечную белье отвезу... Только скажите мне, что на ужин для вашего мужа приготовить?

– Да что хотите... Где моя сумка?

– В прихожей я видела...

– Возьмите в ней ключи, откройте пока гараж... Я сейчас оденусь и спущусь.

– Хорошо, хорошо, все сделаю... – заполошно бросилась к лестнице Аня. – Все найду, все открою... Да только как же вы поедете в таком состоянии, господи... На вас же лица нет...

– Ничего, доеду, – скорее для себя самой произнесла тихо. Показалось довольно уверенно, хоть и тихо...

Когда села за руль, увидела, что руки все равно слегка дро-

жат. Господи, как хорошо, что Таня решила с ней поехать! Верная Таня, умная Таня, надежная подруга Таня...

Да, Таня такая. И Оля у нее есть. Тоже верная и надежная. Еще со времен медучилища эта дружба окрепла... Когда она в Бережное после училища уехала, их дружба привяла слегка, а потом будто с новой силой расцвела, когда она снова в городе оказалась, выйдя замуж за Дениса. Конечно, все могло быть и по-другому... Но как получилось, так получилось. Очень уж они оказались друг другу нужны – в новых жизненных обстоятельствах. И у каждой из них они по-своему сложились, что ж...

Вот Таня взяла и заболела сильно, пока она в Бережном жила. Сначала вышла замуж по большой любви, а через год заболела. Карабкалась из ремиссии в ремиссию как могла, вся жизнь на это уходила, как песок сквозь пальцы. Одно время они с Олей думали, что все, теряют подругу... Но она опять выкарабкалась, съездив на лечение в Израиль. Теперь так и ездит туда каждый год, иногда раз в два года, как получится. И живет, и не жалуется... Хотя пожаловаться Тане есть на что. На предательство любимого мужа, например. Ведь он ее бросил, подлец... В первый же год болезни и бросил. На другой женился. На той, у которой все в порядке со здоровьем и которая не уповает на очередную ремиссию да не ждет операции, как манны небесной...

Хотя потом Танин бывший муж поступок совершил почти героический – денег на предстоящую операцию дал. Но

все равно ведь подлец, как ни крути! А деньгами своими просто грехи замаливал, чувство вины искупал! В общем, это та еще история – в двух словах ничего не расскажешь, не объяснишь...

И у Оли все сложилось – не позавидуешь. И тоже, как Таня, вышла замуж по большой любви и жила счастливо целых пять лет... Двоих детей родила. Мальчика и девочку. А потом случилось ужасное, что и в самом страшном сне не приснится: мужа осудили на десять лет! Не за что-нибудь, а за преднамеренное убийство! Хотя, по сути, никакой преднамеренности и не было, просто Олин муж за нее заступился, когда к ним хулиганы пристали. У него с собой пистолет был, и пришлось стрелять... Иначе бы те хулиганы над Олей надругались. Получилось, что выстрел тот был смертельным. Потом суд был, конечно... Этот самый хулиган чьим-то сыном оказался, настолько важным, что это суть всего процесса и определило. Адвокату только и удалось, что скостить срок от пятнадцати лет до десяти в колонии строгого режима. Как Оля говорила – и на том спасибо, что ж.

Так и вышло, что она среди подруг оказалась самой счастливой. Хотя Таня так не считает, в общем... Она говорит, что если человек жив, то этим он уже счастлив. Ей виднее, конечно...

А вот и она стоит на перекрестке, рукой машет. Открыла дверцу машины, плюхнулась рядом на сиденье, глянула на нее пристально. Пока пристегивала ремень, проговорила до-

вольно жестко:

– Наташка, только без паники, поняла? Давай сначала приедем в твое Бережное, узнаем, что с мамой, потом будем решать, что делать! Сама сможешь машину вести или мне за руль сесть?

– Я сама, Тань... Спасибо тебе. Значит, ты послезавтра в Израиль летишь?

– Да, послезавтра...

– Все будет хорошо, Тань. Вот увидишь. Я верю.

– Ладно, рули давай! Не отвлекайся! И я тебя отвлекать разговорами не буду, давай сначала доедем...

Таня отвернулась к окну, стала смотреть, как убегает назад городская окраина, как показался первый неказистый придорожный лесок. Вот и он закончился, и дорога пересекла дачный поселок, мелькнуло вдали зеркало небольшого пруда.

Скосила глаза и увидела, как Наташкины ладони судорожно держат руль. Так судорожно, что побелели костяшки пальцев. Может, зря она так грубо ей сказала – не будем на разговоры отвлекаться, мол? Может, как раз и нужно ее разговорами расшевелить, снять это горестное напряжение?

Ладно, пусть сначала на большую трассу выедет, там машин меньше. Здесь, в пригороде, дачники так и спуют ту-

да-сюда. Еще аварию устроит, не дай бог...

Лес за окном стал гуще, мелькание солнца меж прямых сосновых стволов завораживало. Таня приоткрыла окно, и свежий сырой воздух ворвался в маленькое пространство машины вместе с шумом дороги, и сразу стало легче дышать, вдыхать озоновый аромат полной грудью. Как же хорошо в лесу после дождя, наверное! Сейчас бы прогуляться там, среди сосновых стволов... Почувать под ногами мягкую опавшую хвою, увидеть капли росы на ветках соснового молодняка. Постоять, посмотреть и улыбнуться жизни...

Как же она научилась в последние годы видеть и наблюдать эту красоту! Так, как ее видят в последний раз... Подмечать мельчайшие детали, вбирать их в себя – про запас. Вдруг *там* пригодится? Вдруг и впрямь никакой смерти на самом деле и нет, а душа вечно живой остается? Надо ведь и душе какими-то ощущениями жить – *там*...

Поначалу, когда ей поставили этот страшный диагноз, ни о чем таком и не думалось. Казалось, душа в ступор вошла или вовсе исчезла – какое там «про запас»?

А началось все с малого – просто было больно глотать. И голос немного изменился, появилась в нем некая хрипотца. «Сексуальная» – так сказал про эту хрипотцу Дима. Они тогда первый год со свадьбы прожили, и очень хорошо прожили, можно сказать... Из постели почти не вылезали. Казалось, никак не могут наестся друг другом... А еще казалось, что так будет всегда.

Но все закончилось в одночасье. Когда врач в районной поликлинике проговорил тихо, выписывая ей направление в онкоцентр:

– Вот, вам туда надо... Там диагноз уже более точно поставят.

– А... Какой у меня диагноз? Все очень плохо, да?

– Я могу только предварительный диагноз вам сообщить... По моему мнению, у вас развивается рак гортани. Где-то вторая стадия примерно...

Умный оказался врач. В онкоцентре после обследования ей так и сказали – рак гортани, вторая стадия. Но уже близко к следующей, если ничего не предпринять. А предпринимать, в общем, и ничего нельзя, по большому счету, потому что это неоперабельный случай, связанный с особенностями ее шеи. Как объяснил другой врач, сама по себе гортань уже неудобно расположена для хирургического вмешательства, а у нее она еще и окружена множеством жизненно важных сосудов, переплетение их там какое-то нестандартное. Не как у всех. Заденешь такой сосуд – и все пойдет не так... Никто за это не возьмется, в общем. Неоперабельный случай, и все тут.

– И что мне теперь делать? – спросила она, глупо моргнув. – Ждать, когда умру?

– Ну зачем же ждать... Будем что-то предпринимать потихоньку. Время идет, медицина вперед движется. Вот в Израиле, например, хорошую методику по вашему случаю вы-

работали... У них аппаратная терапия очень хорошая, у нас такой нет.

– Значит, вы советуете мне ехать в Израиль?

– А почему нет? Если средства позволяют... Я со своей стороны могу к ним в клинику позвонить, договориться насчет вас...

– Хорошо. Я подумаю. Спасибо. А сейчас... Можно я домой пойду? Что-то мне как-то... Не по себе... Мне как-то привыкнуть надо, принять...

– Да. Сейчас можете идти. А через неделю мы вас еще раз обследуем, договорились? Подумаем, посмотрим, выберем курс лечения...

– Курс лечения? Но ведь вы только что сказали: ничего нельзя сделать!

– Я говорил, что случай неоперабельный... Но, кроме операции, есть другие методы лечения...

– Которые мне не помогут, да?

– Ну... Я бы не стал утверждать столь категорично... Всякие бывают случаи...

– Спасибо, я поняла. Я пойду... Мне на воздух очень хочется, извините...

Не пошла она больше в ту больницу. Ни через неделю, ни через месяц. И не сказала никому ничего... И Диме тоже. Хоть он и приставал к ней с каждодневными расспросами:

– Да что с тобой происходит, Тань? На диете сидишь, что ли? Не ешь почти ничего, похудела... Не надо тебе никакой

диеты, слышишь? Ты и без того худая и звонкая, и даже наоборот, тебе пара лишних килограммов не помешает! Слышишь, что я говорю, Тань?

– Слышу, Дим... Слышу...

– А почему тогда отворачиваешься? Даже плакать вон собралась... Ну что я тебе обидного сказал, что? Ну да, худоба тебе не идет... Разве это неправда?

Да ты хоть в зеркало на себя глянь, на кого стала похожа, ужас! А лицо? Круги такие под глазами образовались, и взгляд такой, что меня иногда оторопь берет! Что с тобой, Тань?

– Да ничего, все со мной в порядке, отстань...

– Ну да, отстань... А что с твоим голосом, ты сама себя слышишь? Ты же хрипеть стала, как пьяный боцман... То хрипишь, то сипишь... Горло болит, что ли?

– Да. Горло болит.

– Ну так сходи к врачу...

Она поежилась, вздохнула, помаялась... И решилась. Проговорила тихо и очень тоскливо:

– Была я уже у врача, Дим... Рак у меня, понимаешь? Неоперабельный рак гортани...

– Как это – рак? Ты что? Откуда?

– Да если б знать, откуда он берется, Дим...

– Так... погоди, Тань, погоди... Я что-то никак не врубаюсь. Надо ведь делать что-то срочно, а, Тань? Что можно сделать, ты у них узнавала?

– Врач говорит, в Израиль надо ехать. Они там якобы хорошо с этой проблемой работают...

– Ну так поезжай, чего ждешь-то?

– Дорого, Дим...

– Еще чего! И не думай даже об этом! Найду я денег, что ты! Если надо, из бизнеса вытащу или у отца попрошу! Давай завтра же иди к врачу, узнавай все, что надо! Куда лететь, к кому... На какой счет деньги перечислять...

Господи, как же она тогда ему была благодарна за такую реакцию! Так смотрела на него в этот момент, как на спасителя-избавителя... Вот он каков, ее муж! Взял и развел беду руками! Не чужая ведь беда-то... С женой беда... А она думала, он прижимистый и ни за что не станет деньги из оборота изымать! Ведь только-только бизнес в гору пошел!

С тех пор она и начала ездить регулярно в ту самую израильскую клинику. Хорошая клиника, ничего не скажешь. И врачи хорошие. Хотя операцию и они делать не стали, лечили другими методами. Как объяснил ей Давид, русскоговорящий израильский врач, надо подождать еще немного... Вот-вот должны появиться новые лекарственные способы, которыми ее случай из неоперабельного можно перевести в операбельный... А пока просто придерживать процесс надо, чтобы дальше не развивался. И ждать...

Вот она и ездила. И придерживала. И ждала. Оказалось, это не так и дорого – просто придерживать... Сама по себе операция дорогая была, а «придерживание» она одна вы-

тягивала, своими средствами. Копила эти средства весь год и ехала...

А Дима ее бросил в первый же год болезни. Вот так просто взял и бросил. Зря она тогда им восхищалась, зря поверила, что он ее беду руками разведет. Чужая беда для него оказалась. А чужую, ее же как бы шутейно разводят, не всерьез...

– Понимаешь, Тань... Я должен быть честным с тобой. Не хочу ходить вокруг да около, скажу все как есть. Ты ведь умная, ты поймешь. Ты умная и очень сильная, я знаю. Давай с тобой серьезно поговорим, а? Как два разумных человека, которые уважают друг друга.

– Говори, Дим... Я слушаю, говори.

– Только заранее тебя прошу: не настраивайся враждебно, ладно? Просто постарайся меня понять...

– Да говори уже, господи! Хватить меня предисловиями мучить!

– Да, я скажу. Просто еще добавить хочу... В предисловие... Наверное, ты меня после этого разговора все-таки подлецом будешь считать. Предателем. Но ведь у предателя есть своя правда... Это честная правда, Тань.

– Дим, не тяни... Говори все как есть. Хотя... Я понимаю тебя, кажется. Ты хочешь уйти от меня, да?

– Ну почему сразу уйти... Это как-то однобоко звучит, неправильно.

– А как звучит правильно?

– Нам надо расстаться, Тань. Мы оба с тобой не виноваты.

ты, что все так получилось... Не я от тебя уйду, это обстоятельства так сложились. Ничего не поделаешь, так получилось, да.

– Что получилось? Получилось, что я заболела?

– Ну да... Только не смотри на меня так, пожалуйста! Я бы мог вообще не начинать этого разговора, чтобы вот так, глаза в глаза... Мог бы тебе позвонить или письмо написать, к примеру... Я же честно хочу, Тань! Чтобы ты меня поняла! Мы не можем быть больше мужем и женой, Тань! Что это за жизнь, когда... Когда я прикоснусь к тебе лишний раз боюсь? Вернее, не то чтобы боюсь... А не могу просто.

– Брезгуешь, что ли?

– Нет, что ты! Не то... Просто... Притяжения больше нет, сама понимаешь. Жестоко тебе все это говорить, конечно... Но и ты меня тоже пойми! Я же мужчина! И я вовсе не должен... Ведь тебе не нужна от меня жертва, правда? Чтобы я жил рядом с тобой евнухом? И жалость моя тебе не нужна? Я ведь знаю, какая ты гордая на самом деле...

– Да, Дим... Не продолжай больше, не надо. Я все поняла. Я сейчас соберу свои вещи и уйду. А разводом, бумагами там всякими... Сам займись, ладно? Мне как-то не до бумаг сейчас...

– Конечно, конечно! Я сам все сделаю... И уходить тебе вовсе не обязательно, живи в этой квартире, сколько тебе понадобится. А я к родителям перееду...

По тому, как Дима быстро отвел глаза, она догадалась, что

нет у него необходимости к родителям переезжать. Потому что появился уже другой адрес для переезда. То есть другую себе нашел. Здоровую. По отношению к которой здоровое притяжение есть. Во всех отношениях честное...

– Нет, Дима, я перееду. Сегодня же. У меня ж есть своя квартира. Правда, не такая комфортная, но своя. А сейчас, Дим, уходи... Уходи, я вещи собирать буду. Не хочу тебя больше видеть, уходи...

– Все-таки ты обиделась на меня, Тань! А я ведь честно все сказал, как есть! Что может быть выше честности в отношениях?

– Да куда уж выше, конечно...

– Ты думаешь, я тебя предал, да? Но я вовсе не собираюсь тебя бросать в этом, как его... В человеческом смысле. Если будут нужны деньги, я дам, Тань. На лечение или на билеты в Израиль... Ведь тебе еще понадобится туда лететь, верно?

– Да. Понадобится. Но я сама справлюсь, Дим. Отныне я только сама... Ничего мне от тебя больше не нужно.

– А вот это ты зря. Это уже гордыней попахивает. Давай отделим мух от котлет, ладно?

– Давай... Давай отделим здоровое притяжение от брезгливости. Это уж и впрямь как котлеты и мух...

– Но тебе же действительно деньги понадобятся, правда? И потому знай, я готов...

– Сама справлюсь, Дим. Не надо.

– Да как, как ты справишься?

– Как-нибудь. Бабушкин дом в деревне продам.

– Так это ж копейки... А если операцию все же назначат?

В Израиле это дорого...

– Ну, до операции еще дожить надо. И все, и хватит, уходи уже... И не звони мне, ладно? Вообще исчезни из моей жизни. Мне так легче будет, Дим. Уходи...

Потом, где-то через полгода, она снова его увидела: встретила случайно на улице. Дима был с молодой женщиной – красивой, стильно одетой, и выражение лица у нее было такое... самодовольное. Вот она я, мол, какая. С высокой степенью притяжения.

А еще было что-то хищное в ее лице. Взгляд цепкий. Зверь, а не женщина. Пантера. Такая ухватит – не выпустит. И сам Дима как-то потерялся на фоне этого хищного взгляда. Понуро выглядел. Впрочем, ей уже все равно было, как он там выглядел...

Это первое время она мучилась, в себя прийти не могла. Казалось, Димины брезгливость вошла в нее и живет, уходить не собирается. Нет хуже ощущения, когда женщина сама к себе испытывает брезгливость...

Оля тогда ее очень поддержала, возилась с ней как с маленькой. И Наташка все время звонила... Если б не девчонки, так и не вышла бы из того ужасного состояния.

А еще ей очень Давид помог, израильский врач. Она тогда в клинику прилетела за очередной ремиссией, и Давид встретил ее вопросом:

– Что случилось, Танечка? Ты какая-то другая... Совсем пала духом, да? Но ведь глобального ухудшения нет... Все скорректируем...

– Меня муж бросил, Давид... Сказал, что я его больше не притягиваю как женщина.

И расплакалась от души. Впервые расплакалась так, будто слезы несли ее не вниз, в темную пропасть депрессии, а, наоборот, наверх выносили – к свету.

Давид ей не мешал, сидел, опустив полноватые плечи, крутился туда-сюда на офисном стуле. Потом встал, принес воды и салфетки, протянул ей – тоже молча. Снова сел на стул и через минуту проговорил тихо:

– Ну все, все... Поплакала, и хватит. Не ты виновата, что муж слабаком оказался. Ведь он слабак и не любил тебя во-все. Зачем тогда о нем жалеть? Как там у вас говорится – с глаз прочь, из сердца вон?

– С глаз долой... – автоматически поправила она, утирая глаза салфеткой.

– А, вон как... Я русский совсем забыл, надо же. Меня сюда в девятилетнем возрасте родители привезли. Мы в Таганроге жили...

– Ну что ты, Давид! Ты очень хорошо говоришь по-русски! И ты такой... Добрый очень. И врач хороший. Я рада, что попала именно к тебе...

Давид кивнул головой, улыбнулся смущенно. Наверное, не особо привык к комплиментам. Да и на врача он как-то

не был похож. А может, она его так воспринимала уже... Не как врача, а как дальнего родственника. Казалось, он и к ней относился как к родственнице, всегда виделись в его глазах грустная забота и жалость. А врачи ведь не умеют жалеть... Им это мешает, им отстраненность нужна, чтобы проблему пациента острее видеть.

Вот и у Давида тоже... Наверняка у него таких «родственниц» – в базарный день по рублю ведро. И тем не менее... Очень уж хотелось, чтобы проявлялись эти забота и жалость. С ними как-то легче было, что ли...

А какую радость она услышала в голосе Давида, когда он недавно ей позвонил! Конечно же, она была очень осторожной, эта радость, изо всех сил сдерживаемой. Но тем не менее – была, точно была!

– Танечка, здравствуй! У меня для тебя хорошая новость! Только сегодня узнал! Наконец-то появилась возможность перевести твой случай из неоперабельного в операбельный! Давай собирайся срочно и прилетай! И сообщи мне обязательно дату прилета, я день операции назначу! Там ведь еще на подготовительный период время надо учесть... Ну? Что ты молчишь, Танечка? Совсем растерялась, так я тебя пригородил?

– Правильно говорить «огорошил»... – поправила автоматически и, не дав ему ответить, спросила быстро: – А сколько денег надо на операцию, Давид? Много?

– Да, я ж про деньги забыл... Конечно, это недешево.

Это новый вид операции, сама понимаешь... И не я определяю денежное выражение... Да, это много, наверное. Но ведь жизнь дороже, правда?

– Да, жизнь дороже, Давид. И все-таки сколько?

Давид назвал сумму, и Таня только охнула тихо, прижав пальцы ко рту. Но тут же собралась, заговорила деловито:

– Я постараюсь достать деньги, Давид... Я прилечу, да. Как только куплю билет, сообщу тебе сразу. Спасибо, Давид...

– Да, Танечка, до встречи! Все будет хорошо, слышишь? После операции ты будешь здорова, Таня, обещаю тебе... Я очень этого хочу, Танечка! Прилетай быстрее!

– Да... Да, я постараюсь... До встречи, Давид!

Легко сказать – постараюсь. Да только что от этих стараний зависит? Где ж денег-то взять? Но ведь надо где-то их взять, как ни крути...

Странно, почему она раньше о деньгах не думала. Поддалась глупому суеверию – нельзя, мол, заранее беспокоиться, вперед паровоза бежать... Да и не верилось уже, если честно, что дело когда-нибудь дойдет до спасительной операции.

Но ведь дошло дело! А денег нет! И бабушкин дом в деревне давно продан, и деньги на поездки в Израиль растрочены... Квартиру, что ли, продать? Единственный оплот, что от родителей достался? А где она жить будет, интересно?

Хотя и не в этом дело, где жить... Нашла бы, где жить! Главное, здоровье бы вернулось, а дальше... Дело ведь

в том, что все равно быстро продать квартиру не получится. А деньги прямо сейчас нужны...

Первым делом она рассказала о своей проблеме Оле с Наташкой. Наташка тут же вызвалась с мужем поговорить, с Денисом. И поговорила, конечно же, в тот же вечер и поговорила. Потом объясняла ей виновато, опустив глаза:

– Понимаешь, Тань... Денис рад бы помочь, но у него своих денег нет... А у отца он просить не станет даже, потому что это бесполезно. Он все равно не даст. Господи, Тань, да если бы у меня бы эти деньги, да я бы сию секунду... Ты же знаешь...

– Знаю, Наташка. Вообще-то я на твоего Дениса и не надеялась. Сразу было понятно, что не даст...

– Да он бы дал, Тань, если бы у него были! Он любит меня, он бы все сделал, о чем бы я ни попросила! Но отец... Отец не даст... Своего дела у Дениса ведь нет, он у отца в фирме работает и полностью от него материально зависит...

– Ладно, Наташка, не расстраивайся. Ничего, я разберусь как-нибудь. Знакомых всех обзвоню, соберу понемногу...

– Так немного и я дам, Тань! Сколько у меня на карточке есть, я все тебе переведу!

– Да ну... Не надо. Твой Денис узнает, сердиться будет.

– Нет, не будет! Скажи мне номер карты, я переведу!

– Давай до завтра оставим, Наташ. Сейчас поздно уже.

А завтра еще поговорим, хорошо?

– Да... До завтра, Тань...

А на завтра все решилось само собой, как манна небесная посыпалась прямо в руки. Утром ей позвонил Дима, бывший муж...

– Тань, привет! Проснулась уже? Давай собирайся быстренько, позавтракаем вместе. Жду тебя в кафе около твоего дома, где мы познакомились, помнишь? И учти, у меня мало времени! Так что бегом!

– Не поняла... Что значит – бегом? И с какого перепугу я должна с тобой завтракать?

– Да потому, что я дома не успел позавтракать! А к тебе у меня дело есть! Причем срочное! То есть для тебя оно срочное... Давай, давай, хватит сердито в трубку вздыхать! Жду!

Нет, торопиться она не стала, конечно же. Еще чего. Срочное дело у него, надо же! Сейчас прям бегом побежит, ага...

Дима сидел за столиком, с аппетитом ел глазунью. Обмакивал краешек тоста в желток, откусывал деловито. Она вдруг вспомнила – да, он так всегда глазунью и ел... Сначала растекшийся желток собирал хлебушком, потом до белка добирался. Надо же, какая вьевшаяся привычка...

Но сердце у нее все равно не екнуло, хоть глаз эту привычку и отметил. Подошла к столику медленно, села на стул с достоинством, закинув ногу на ногу. Спросила сухо:

– Ну? Чего звал?

Он глянул коротко, хмыкнул, отставил от себя тарелку. Спросил деловито:

– Завтракать будешь? Чего тебе заказать?

– Не буду. Я на минуту. Говори, чего надо, да я пойду. Некогда мне тут с тобой...

– Ну, хорошо... На минуту так на минуту. Можно и за минуту вопрос решить. Собственно, я уже и готов... Сейчас, только кофе допью, ладно?

– Да какой вопрос, говори уже, Дим! Я не понимаю, в какие игры ты играешь, честное слово! Вроде мы давно уже чужие друг другу люди...

– Ну, может, я для тебя чужой, а ты для меня – нет... Ты мне не чужая, Танюха. Вот только не понимаю, что ж ты так со мной... Я ж тогда еще говорил: обращайся, я всегда тебе помогу! А ты...

– погоди... Что-то я не понимаю, о чем ты...

– Да все о том же, Танюх! Почему сама у меня денег не попросила? Почему через подругу решила... Самой что, слабо?

– Тебе что, Оля позвонила?! Или Наташка?

– Ну да! Оля твоя звонила. А ты не в курсе, что ли?

– Нет, не в курсе... Она мне ничего не сказала, правда...

– Что ж... Хорошая подруга, значит. Беспочинитесь за тебя, суетится. Только она не смогла точную сумму назвать... Все говорила что-то про операцию, что очень надо, но дорого... Вот я и решил у тебя спросить, чтобы обойтись без посредников. Говори, сколько надо. Не бойся, я не испугаюсь. У меня деньги есть. Бизнес хорошо идет, к тому же наслед-

ство от дяди неплохое получил...

– Нисколько не надо, Дима. Я не возьму. Сама справлюсь, не надо.

– О-о-о... А вот это уже вполне ожидаемо, да! Умирать буду, а от предателя помощи не приму, правильно?

– Да, Дим. Именно так. Не приму.

– А вот это уже гордыня, матушка... Гордыня... Та самая что ни на есть...

– Я тебе не матушка. Я тебе всего лишь бывшая жена. Понимаешь? Быв-ша-я. Этим все сказано, Дим.

– Понятно, что ж... Все-таки ты на меня обижаешься. Все-таки не простила, да?

– Нет. Я не обижаюсь. Правда.

– Да ладно... Если честно, я и сам до сих пор подлецом себя чувствую, а уж ты... О тебе и говорить нечего. Но теперь у меня появилась возможность преуменьшить свое самоощущение, вот в чем дело. Я уже не буду подлецом в такой степени, правда? Так что я себе этим помогаю, не тебе... Устроит такая интерпретация, надеюсь?

Она только засмеялась тихо, глядя ему в глаза. Вот ведь как умеет все вывернуть, поганец...

Дима истолковал ее смех по-своему. То есть как согласие. Допил свой кофе, проговорил деловито:

– Значит, так... Сегодня же скинешь мне на почту реквизиты этой больницы израильской, я сам с ними спишусь. Счет выставят на мое имя, я все оплачу. На все про все уйдет

один день. Или пару дней, может... Устроит такой расклад, Тань?

Она снова улыбнулась, кивнула головой. Наверное, надо было ему слова какие-то хорошие сказать... Да просто поблагодарить... Он ведь вовсе не обязан был, правда?

Конечно, слаще было бы отказаться, это да. Встать и уйти гордо. Но сладость – вещь ненадежная. Сиюминутная эта сладость, как и сама гордость. Да и какая может быть гордость, когда очень жить хочется?

Да, надо бы что-то сказать ему такое – проникновенно-благодарственное... Но вместо это спросила вдруг тихо:

– Как ты живешь, Дим, расскажи? Ты счастлив, надеюсь?

– Ну, если тебе это интересно, Тань... Давай пооткровенничая немного. Если в двух словах... Не сказать, что я очень счастлив. Вот с тобой точно был счастлив, да... А теперь – не знаю... С одной стороны, все хорошо вроде, и в то же время чего-то главного нет. А с тобой все было главным, понимаешь? Или... Зря я тебе все это говорю, да? Тебе неинтересно, наверное.

Она пожала плечами, и жест получился какой-то двоякий: то ли подтвердила, что ей неинтересно, то ли попросила продолжить.

И Дима понял ее жест по-своему, посмотрел на часы, проговорил деловито:

– Ладно, мне пора... Сегодня еще дел по горло. Значит, я жду от тебя реквизиты больницы... Деньги сегодня же по-

стараюсь перечислить, можешь билет покупать. Может, тебе и на билет денег подкинуть, у меня есть с собой?

– Нет, на билет не надо. На билет у меня есть.

– Ну, все тогда... Пока, Тань. Надеюсь, все закончится хорошо. То есть... Операция пройдет хорошо.

– Пока, Дим... Спасибо тебе...

Он уже шел между столиков, быстро и важно, и чуть не сшиб с ног попавшуюся навстречу официантку с подносом. Да, весь он в этом – я иду, расступитесь... Ничуть за эти годы не изменился. Господи, как же она его любила, если вспомнить... А сейчас смотрит в спину и ничего не чувствует, кроме благодарного недоумения: ишь, благородный какой оказался, решил бывшей жене помочь! Такой вот я... Непредсказуемый! Внезапный и противоречивый! Иду – и расступитесь!

Она даже хмыкнула вслух, вспомнив про эту сцену. И сощурилась от солнца, яростно пробивающегося сквозь сосновые стволы.

– Тань... Ты о чем сейчас думаешь, а? О чем-то своем, наверное? Поговори со мной, пожалуйста! – услышала она Наташин голос и отвернулась от окна, тихо вздохнув.

Машина бойко бежала по шоссе, и солнце уже прыгало по верхушкам деревьев. День обещал быть жарким. Почему все самое плохое случается в такие хорошие дни?

– Да ни о чем особенном не думаю, Наташ... Так, вспомнилось просто. Как мы с Димой поговорили, когда он по-

мощь свою предложил...

– А Олька молодец, правда? Взяла и позвонила ему, рассказала о твоей проблеме! Вот я бы не догадалась ему позвонить! Я вообще какая-то... Неповоротливая в этом смысле. Как провалилась в свое счастье, так в нем и барахтаюсь. И про маму совсем забыла, долго к ней не приезжала... Она совсем себя плохо чувствовала, наверное, а я даже не знала. Нет, не так... Я знала, конечно, только на потом все откладывала... Денис так не любит, когда я из дома уезжаю... Ну почему все так получается, Тань, скажи? Почему счастье людям глаза застит? И что теперь будет с мамой... Мне страшно, Тань, страшно...

– Ладно, не паникуй раньше времени! Вот приедем, узнаем все, тогда и будем что-то решать! Сколько нам еще до твоего Бережного ехать?

– Да где-то полчаса еще...

– Это мы что, уже два часа в пути?!

– Ну да...

– Ничего себе я задумалась! Ты не устала за рулем, Наташ? Может, я поведу?

– Нет, я сама... И впрямь немного осталось... Скоро уже с трассы на проселочную дорогу свернем. Почти приехали...

– Наташенька! Здравствуй, моя милая! Давно как не ви-

делись...

Доктор Петров шел по коридору, расставив руки, словно собирался заключить ее в объятия. Но так своего намерения и не донес. Когда подошел к ней вплотную, опустил руки, проговорил виновато:

– Да, Наташенька, что ж... Обрадовать мне тебя нечем. Конечно, мама твоя будет жить, но... Сама понимаешь, возраст у нее. Еще и время было упущено, долго она одна пролежала. Соседка ведь только утром ее обнаружила, а инсульт ночью случился, по всей видимости. А при инсульте главное, чтобы помощь оказать вовремя. Да что я тебя учу, ты ж сама медик, все прекрасно понимаешь! Так что не буду тебя обнадеживать, Наташенька, трудные тебе предстоят времена...

– Да. Я понимаю, Дмитрий Алексеевич. А где мама сейчас?

– В палате лежит, под капельницей... Да что теперь толку от капельницы? Теперь только уход нужен...

– Я понимаю, да... А сколько вы ее в больнице продержите?

– Так сама понимаешь, долго держать не можем. Но недельку пролежит, я думаю. Максимум две... Это все, что я могу, Наташенька. Не мной такие правила придуманы. Потом уж сама решай, что да как. Можешь, пока мама в больнице, сиделку ей подыскать. Хотя сейчас это большая проблема – найти хорошего человека, чтобы за лежачим больным присматривал. Редко кто за такое берется. Если уж только

по большой нужде.

– Нет, что вы... Я сама буду за мамой ухаживать! Я... Я к себе ее заберу. С мужем поговорю...

Стоящая рядом Таня хмыкнула тихонько, но она услышала, глянула на Петрова быстро, будто хотела проверить, услышал ли он тоже Танино хмыканье.

Услышал, наверное. Вздохнул тяжело, головой покивал. И проговорил как можно более оптимистично:

– Ну-ну. Если так, то конечно. Поговори с мужем, Наташенька. Это было бы хорошо, если бы мама с тобой рядом жила. Ей сейчас не столько хороший уход нужен, сколько любовь близкого человека. Ну что такое сиделка? Это ж проформа одна бездушная... Пришла, накормила, помыла и ушла. Денег себе заработала. А когда любовь и сострадание есть, это уже другое... А согласится муж-то, Наташ?

– Конечно, согласится! Что вы! Как он может не согласиться?

Получилось не так чтобы очень уверенно, а как-то возмущенно даже. Преувеличенно возмущенно. Мол, как вы смее сомневаться в доброте и порядочности моего мужа? Потому, может, так и получилось, что сама не уверена была...

И глаза стали тут же наполняться слезами, как доказательством собственной неуверенности. Почувствовала, как Таня сжала ее пальцы, слегка потянув их вниз. Таким образом поддержать решила. Не смей плакать... Держись!

– Ой... А это Таня, моя подруга... Знакомьтесь, Дмитрий

Алексеевич! – представила она Таню запоздало.

– Очень приятно, что ж... Вы уж, Таня, помогите нашей Наташеньке справиться с бедой-то... – улыбнулся Петров, слегка тронув Таню за предплечье. И улыбнулся так, что Таня вдруг смутилась, проговорила тихо:

– Конечно, помогу... Вот сама выкарабкаюсь и обязательно помогу, что вы...

– Тане серьезная операция предстоит в Израильской клинике, завтра она туда улетает... – пояснила Наташа, смахивая со щеки слезу.

– Ах вот в чем дело... Ну что ж, девушки, держитесь, что я еще сказать могу? Ничего больше и не могу... А хотелось бы, что ж. Я ведь всю жизнь женские беды близко к сердцу принимал...

– А можно мне к маме, Дмитрий Алексеевич? – тихо спросила Наташа.

– Так можно, отчего ж нельзя. Только она спит и долго еще будет спать. Ты бы лучше времени не теряла, Наташенька, а поехала бы домой, с мужем поговорила. Место бы обустроила в доме для мамы... Всякие принадлежности для обихода купила... Там ведь много всего надо, сама понимаешь. А потом бы и за мамой приехала, чего ей тут лежать? С тобой рядом ей лучше будет...

– Хорошо, Дмитрий Алексеевич, я так и сделаю. Но все равно пойду хоть гляну на маму...

Мама лежала на больничной кровати, маленькая, худень-

кая, будто вытянулась вся от перенесенного страдания. Хотя, наверное, она ведь и не почувствовала ничего... Просто упала. И лежала, не приходя в себя, пока ее тетя Настя не обнаружила.

Села рядом с кроватью, взяла в руки безжизненную мамину ладонь, проговорила тихо:

– Мама, мамочка... Прости меня, пожалуйста. Это я виновата, что так все случилось. Я тебя бросила одну, счастья своего захотела... Прости меня, прости!

Показалось, что мама улыбнулась. Или она так хотела, поэтому и показалось... Ничего мама сейчас не слышит, не чувствует. Еще и непонятно, какой она будет, когда в себя придет. Может вообще ее не узнать...

Обратно в город машину вела Таня, не дала ей сесть за руль. И хорошо, что не дала. Можно было наплакаться вдоволь, отвернувшись к окну.

И когда наплакалась, легче не стало. Сидела, опустив глаза, теребила мокрую от слез салфетку, сдерживала последние всхлипы. Потом вздохнула тяжело...

– Что? Боишься с Денисом разговор начинать, да? – спросила Таня, глядя на дорогу.

– Боюсь... Ты знаешь, боюсь. Нет, вообще-то он добрый, он хороший... Только эгоист ужасный, ты же знаешь.

– Да знаю, знаю... – вздохнула Таня. – Что есть, то есть, даже и спорить с тобой не буду. Про таких, как твой Денис, говорят – с серебряной ложкой во рту родился. Дальше своей

потребности ничего не видит, не чувствует. Мой ведь Дима такой же, в принципе... Хотя я сейчас не имею права о нем так говорить, сама понимаешь. А вот твой Денис... Не знаю, как он себя в этой ситуации поведет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.